

III ВСЕСОЮЗНАЯ ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Важное значение для развития тюркологии в СССР имеют всесоюзные конференции тюркологов — специалистов по истории, этнографии, археологии, языку, фольклору, литературе, искусству тюркоязычных народов. Проведение подобных форумов преуспевает в хорошую традицию.

Итоги тюркологических исследований за четыре года, прошедшие со времени II Всесоюзной тюркологической конференции, подвела III Всесоюзная тюркологическая конференция, проходившая 10—12 сентября 1980 г. в Ташкенте. В качестве ее организаторов выступили Отделение литературы и языка (ОЛЯ) и Отделение истории Академии наук СССР, Советский комитет тюркологов при ОЛЯ АН СССР, Академия наук УзССР¹. В работе конференции приняли участие более 500 тюркологов — языковедов, литературоведов, фольклористов, историков, этнографов из всех тюркологических научных центров страны, а также гости — представители зарубежной тюркологии: С. Петрова (НРБ), Д. Кара, А. Рона-Таш и Г. Хазаи (ВНР), Х. Фитце и А. Штейн (ГДР), И. Циртаугас (США), Г. Ярринг (Швеция) и др.

В ходе конференции было проведено два общих пленарных заседания.

Работало три секции: лингвистическая, литературоведческая и историческая.

Первое пленарное заседание открыл председатель Оргкомитета член-корреспондент АН СССР Г. Ф. Ким. С приветствиями к участникам и гостям конференции обратились президент АН УзССР акад. А. С. Садыков и председатель Ташкентского горисполкома В. А. Казимов. В работе этого заседания принял участие секретарь ЦК КП Узбекистана А. У. Салимов.

На этом заседании было прочитано два обобщающих доклада: А. Н. Кононова (Ленинград), Э. Р. Тенишева (Москва) и Э. И. Фазылова (Ташкент) «Тюркское языкознание в СССР. Итоги и перспективы» и З. А. Ахметова (Алма-Ата), М. К. Кошчанова (Ташкент), Т. Мирзаева (Ташкент), А. С. Садыкова (Фрунзе) и И. А. Султанова (Ташкент) «Итоги и задачи изучения тюркоязычных литератур в СССР»².

С докладом «О характере этнических процессов тюркоязычных народов Средней Азии в XVIII — начале XX в.» выступила Т. А. Жданко (Москва). Докладчица показала, как различные факторы — феодальная раздробленность, регионализм, войны и др. — тормозили в рассматриваемый период хозяйственное и культурное развитие, а также процессы этнической консолидации народов этого исторического региона. Изменение политической ситуации и упрочение центральной власти в ханствах во второй половине XVIII в. привели к расширению их территорий, восстановлению хозяйства, развитию связей с соседними странами, прежде всего с Россией. Привлекая различные источники, в том числе русские карты XVIII — начала XIX в., Т. А. Жданко пришла к заключению, что к этому периоду этнические территории основных народностей Средней Азии стабилизировались, усилились этноконсолидационные процессы.

Расцвету и сближению тюркоязычных наций и народностей в составе новой исторической общности — советского народа был посвящен доклад К. Х. Ханазарова (Ташкент). Докладчик показал, что в СССР эти народы развиваются ныне как неотъемлемая составная часть советского народа. Сплочение и единение со всеми нациями и народностями СССР — гарантия и основа их дальнейшего расцвета и развития.

В конце первого пленарного заседания перед делегатами и гостями выступили народные сказители Узбекистана Кадыр Рахимов и Атахан Матякубов, а также каракалпакские бахсы Жумбай Базаров и Жахсылык Сарымбетов.

Самой многочисленной была лингвистическая секция, которая подразделялась на 6 подсекций: истории тюркских языков; диалектологии; грамматики; фонетики, фонологии, морфонологии, орфографии и стилистики; лексикологии и лексикографии; сопоставительного и типологического изучения тюркских языков. На заседаниях этой секции было заслушано свыше 250 докладов и сообщений. Многие из них представляют значительный интерес для этнографов³. Так, в последние годы большое внимание уде-

¹ К открытию конференции вышли в свет материалы II Всесоюзной тюркологической конференции, проходившей 27—29 сентября 1976 г. в Алма-Ате. См. Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата, 1980. 430 с. См. также: Языкознание. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 10—12 сентября 1980 г. Ташкент, 1980. 268 с.; Литературоведение и история. Тезисы докладов и сообщений. Ташкент, 10—12 сентября 1980 г. Ташкент, 1980. 178 с.

² Оба доклада опубликованы в журнале Советская тюркология, 1981, № 1, соответственно сс. 3—22 и 23—29.

³ Сведения о докладах, прочитанных на III Всесоюзной тюркологической конференции, можно найти в опубликованных отчетах. Подробнее см.: Ахунова М. А., Кошчанов М. К., Фазылов Э. И. III Всесоюзная тюркологическая конференция. — Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1980, № 12, с. 47—51; Кумеков Б. Е. III Всесоюзная тюркологическая конференция. — Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук, Алма-Ата, 1980, № 6, с. 83, 84; Чарыяров Б., Нурмухаммедов А. Третья Всесоюзная тюркологическая конференция. — Изв. АН ТуркССР. Сер. обществ. наук, Ашхабад, 1980, № 6, с. 92, 93; Кормушин И. В., Галимова Г. А., Насилов Д. М. Научная жизнь. Хроникальные заметки. (III Всесоюзная тюркологическая конференция). — Вопросы языкознания, М., 1981, № 4, с. 154, 155; Данилова Л. В., Каримов К., Гаюпов С. И., Атамирзаева С., Сарымсаков Б., Мамаджанов С., Ахметходжаев И., Ахунова М. III Всесоюзная тюркологическая конференция. — Сов. тюркология, Баку, 1981, № 1, с. 92—99; Резолюция III Всесоюз. тюркол. конференции. — Там же, с. 99—103.

ляется подготовке «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (ДАТЯ)⁴. Проблемы подготовки ДАТЯ обсуждались на одном из заседаний подсекии диалектологии — доклады М. А. Бородинной (Ленинград), Д. С. Насырова (Нукус), У. Доспанова (Нукус), М. И. Исламова (Баку), А. Нурмагамбетова (Алма-Ата), С. Омарбекова (Алма-Ата), Г. Х. Ахатова (Уфа) и т. д.

С этнографией соприкасаются также доклады, прочитанные на лингвистической секции, которые посвящены проблемам тюркской ономастики. Это обобщающие доклады Т. Жапузакова (Алма-Ата) «Состояние и перспективы развития казахской ономастики», Г. Ф. Сатгарова (Казань) «Татарская ономастика и этногенез»; М. А. Мамедова (Джизак) «К проблеме сравнительного изучения тюркских этнопонимов» и др.

Вопросы топонимии рассматривались в докладах О. Т. Молчановой (Ярославль) «Семантическое изучение тюркских топонимов Горно-Алтайской автономной области», Н. А. Кучигашевой (Горно-Алтайск) «Топонимика долины Кора-кол у алтайцев», М. А. Булгаровой (Черкесск) «Географические термины и их участие в образовании ногайских топонимов», С. Я. Байчорова (Черкесск) «Протобулгарский субстрат в топонимике Балкарии и Дигории», А. А. Камалова (Уфа) «Семантика и ареалы башкирских географических терминов», С. К. Караева (Ташкент) «Древнейшие гидронимы Средней Азии».

На материалах киргизской топонимии К. Конкобаев (Фрунзе) показал языковые взаимодействия киргизского и южносибирских тюркских языков.

А. П. Векилов (Ленинград), посвятивший свой доклад турецкой антропонимии, выделил в ее развитии три больших этапа: языческий (доисламский), исламский и современный (с 1930-х годов). Охарактеризовав специфику антропонимов каждого периода, докладчик более подробно остановился на новом рекомендательном именнике, изданном Турецким лингвистическим обществом в 1969 г., который содержит 7200 женских и мужских имен.

На башкирском материале построено сообщение В. И. Сергеева (Чебоксары) «Об общетюркском фонде обозначений культот и духов у тюркоязычных народов Поволжья».

Ряд докладов был посвящен истории языка и его современному развитию. С. Махамова (Ташкент) исследовала древнетюркские письменные памятники как источник изучения ткацкого ремесла в Средней Азии.

В докладе Б. О. Орузбаевой и З. М. Мусабоевой (Фрунзе) «Манас — источник для изучения лексики киргизского языка в историческом плане» было показано, что в этом выдающемся памятнике нашли отражение все пласты лексики киргизского языка, иранские, арабские, монгольские и китайские заимствования, а также топонимы, этнонимы, антропонимы и т. д.

М. Закиев (Казань) в докладе «Древнегреческие историки о тюрках и их языках» поставил вопрос о необходимости изучения и обобщения сведений греческих авторов о тюрках. Докладчик высказал мысль, что некоторые слова из языка скифов, сохранившиеся в греческих источниках, могут быть объяснены с помощью тюркских языков.

Г. С. Садвакасов (Алма-Ата) проанализировал формы вежливости в диалектах уйгурского языка. Докладчик высказал предположение, что в прошлом у уйгуров существовал запрет на непосредственное обращение к уважаемому лицу. В докладе Б. Хасанова (Алма-Ата) формы обращения исследовались как социолингвистическая категория.

О проблемах современного языкового развития тюркских народов СССР в современную эпоху говорилось в докладе Л. В. Решетовой (Ташкент) «Влияние русского языка на развитие национальных языков народов Средней Азии». Докладчица подчеркнула, что формирование и развитие национального языка каждого народа нашей страны происходит в тесном контакте с национальными языками других братских народов. Русский язык добровольно определен народами СССР как средство коммуникации. Однако положение русского языка как средства межнационального общения не исключает развития национальных языков. Так, языки среднеазиатских народов в советское время успешно функционируют, развиваются и совершенствуются благодаря контактам с языками соседних народов и особенно с русским языком. Национальные произведения, переведенные на русский язык, становятся доступными иноязычному читателю, открывая всю неповторимость национальной формы, выявляя национальную специфику.

Отдельные аспекты той же проблемы раскрыли О. Назаров (Ашхабад), Л. К. Байрамова (Казань), Т. Тачмурадов и А. Гельдымурадов (Ашхабад), Н. Г. Хайруллина и К. З. Закирьянов (Уфа) и т. д. В этих и ряде других докладов подчеркивалось, что такого рода языковые контакты не могут быть односторонними. В русский язык также проникают заимствования из языков братских народов. Об этом, например, говорил И. У. Асфандияров (Ташкент). Вопросы взаимовлияния и взаимодействия языков соседних народов нашли отражение в докладах Н. Шаропова (Душанбе), А. Н. Нурмахановой (Алма-Ата).

Работа литературоведческой секции открылась общим заседанием, на котором было заслушано восемь докладов. В дальнейшем проходили заседания трех подсек-

⁴ См.: Вопросник Диалектологического атласа тюркских языков СССР (проект). М., 1969. 36 с.; Сов. тюркология, 1978, № 1, с. 122—124.

ций: история литературы; современный литературный процесс и проблемы теории литературы; фольклористика. В целом на секциях было заслушано свыше 100 докладов.

Мы остановимся подробнее на работе подсекции фольклористики, где обсуждалось много проблем, имеющих немаловажное значение для этнографии. Темой доклада Б. Уахатова (Алма-Ата) было выявление типологического и особенно в художественно-образительных средствах казахской народной песни; С. Каскабосов (Алма-Ата) дал характеристику казахского фольклора. Доклад С. С. Каташ (Горно-Алтайск) посвящен идейно-тематической классификации мифов и легенд алтайцев, доклад З. Хусайновой (Ташкент) — природе узбекских народных сказок. А. М. Сулейманов (Уфа) охарактеризовал традиционные зачины и концовки башкирских народных сказок, имевших стихотворную форму.

«Образ пастуха в каракалпакском эпосе» — тема доклада К. М. Максетова (Нукус). Б. Абдуллаев (Баку) рассмотрел древние жанровые формы «алгыш» (хвала) и «гаргыш» (проклятие) в азербайджанском фольклоре, Б. Саримсаков (Ташкент) — типологию фольклоризмов.

Культура птиц у башкиров, нашедшему яркое отражение в их устно-поэтическом творчестве, был посвящен доклад М. М. Сагитова (Уфа). С. А. Галин (Стерлитамак) охарактеризовал жанровый состав афористического народного творчества башкир, уделив особое внимание жанру «эйтем», имеющему ярко выраженную дидактическую функцию. А. Дербисалин (Алма-Ата) обратился к анализу истоков жанра «толгау», одной из древнейших форм казахского стиха, и его эволюции на протяжении XV—XVIII вв. Д. К. Бардавелидзе (Тбилиси) рассказала о поэзии ашугов Грузии, Д. Г. Таштемиров (Фрунзе) — о сходных мотивах эпосов киргизского, узбекского, казахского народов, Г. А. Джалалов (Ташкент) — о взаимовлиянии эпических жанров узбекского фольклора. Л. А. Бекизова (Черкесск) выступила с докладом «К вопросу о тюркско-северокавказских культурных взаимодействиях», в котором особое внимание уделено фольклору. Именно в фольклоре северокавказских народов, в том числе тюркских, имеется немало произведений, являющихся национальным достоянием народов этого региона (например, цартовский эпос). К этому докладу тематически примыкает сообщение В. Н. Меремкулова (Черкесск) «Кавказско-тюркские фольклорные связи». Отмечая широкое распространение цартовского эпоса на Кавказе, докладчик объясняет его отсутствие у ногайцев их более поздним приходом на Северный Кавказ и наличием у них собственного самобытного эпоса. Т. Ашуров (Ташкент) говорил о взаимосвязи узбекского и таджикского эпосов. В докладе М. Алиевой (Алма-Ата) рассматривалась связь фольклорного наследия уйгуров с современной уйгурской культурой. Докладчица проследила судьбы разных традиционных жанров фольклора в послеоктябрьский период, а также их использование в современной уйгурской поэзии и прозе.

Об А. В. Анохине как этнографе и фольклористе говорила в своем докладе Н. И. Шатинова (Горно-Алтайск).

На четырех заседаниях исторической секции было заслушано свыше 50 докладов по проблемам этногенеза, этнической и социальной истории, историографии и источниковедения, культуры.

Большая часть докладов посвящена этногенезу и этнической истории тюркоязычных народов, их историческим связям с соседями. К. Ш. Шаниязов (Ташкент) в докладе «К вопросу о формировании тюркоязычных народностей Средней Азии (по материалам этногенеза узбекского народа)» подчеркнул, что узбеки формировались на основе местного субстрата с участием пришлых этнических компонентов. Этногенетические процессы у узбеков, по мнению докладчика, продолжались и после завершения процесса формирования узбекской средневековой народности. Немалую роль в этнокультурном развитии этого народа всегда играли межэтнические контакты с соседним, главным образом, оседлым населением.

Доклад «Об этнокультурных связях оседлого и кочевого населения низовьев Зарафшана и бассейна средней Сырдарьи в эпоху раннего средневековья» представили А. Р. Мухамеджанов, Ю. Ф. Буряков, Т. К. Ходжайов (Самарканд). Они показали, что в середине VI в., когда Средняя Азия вошла в состав Тюркского каганата, произошло переселение сюда тюркоязычных племен европеоидно-монголоидного типа, которые со временем стали играть ведущую роль в социально-экономической и хозяйственно-культурной жизни края.

Б. Е. Кумеков (Алма-Ата) в докладе «К этнической истории кипчаков», построенном на арабских и других восточных источниках, высказал соображение о полиморфизме состава кипчаков.

Доклад О. Караева (Фрунзе) был посвящен истории государства Караханидов во второй половине X — начале XIII в. В нем высказано мнение, что часть населения Центрального Тянь-Шаня (карлуки, чигили, ягма, тухси и др.) ушла за пределы Караханидского государства и волилась в состав ряда среднеазиатских народов. Оставшаяся же часть сыграла важную роль в этногенезе киргизов.

Доклад А. Мокеева «Из этнической и политической истории киргизского народа в конце XIV — начале XV в.» основан на анализе мало изученных киргизоведами источников: «Мунтахаб ат-таварих-и Муини» (начало XV в.), «Маджму ат-таварих» (начало XVI в.), «Равзат ар-ризван» (конец XVI в.) и «Бахар ал-асрар» (середина XVII в.). В результате исследования сделан вывод, что в рассматриваемый период значительная часть киргизских племен проживала на территории, расположенной примерно между озерами Балхаш и Ала-Куль. В течение XV в. эта группа киргизов под давлением калмыков с востока и золотоордынских правителей с северо-запада постепенно переселилась на территорию современной Киргизии и приняла участие в формировании

киргизской народности. Свидетельства названных источников подтверждаются материалами эпоса «Манас» и исторических преданий киргизского народа.

Г. О. Авляев (Элиста) высказал некоторые соображения, касающиеся многообразных монголо-тюркских этнических контактов и взаимодействий в XIII—XVI вв. Докладчик отметил значительную тюркизацию монголов Средней Азии, со временем полностью растворившихся в местной этнической среде и сохранивших лишь прежние этнонимы, теперь уже в качестве региональных самопозваний тюрков. Тюркский этнический компонент, по мнению Г. О. Авляева, вошел в состав монголоязычных этносов Центральной Азии.

А. М. Решетов (Ленинград) в докладе «Уйгуры на Дальнем Востоке (конец I — начало II тысячелетия н. э.)», основываясь на археологических материалах, высказал предположение, что после 840 г. уйгуры мигрировали не только на запад, но также на север и далеко на восток — вплоть до районов современного Дальнего Востока, расселились и постепенно ассимилировались местными народами, оказав при этом определенное влияние на этнокультурное, социально-экономическое и политическое развитие населения этих районов.

Проблемы формирования уйгурского населения на территории Средней Азии рассматривались в докладе Г. М. Исхакова (Алма-Ата). Компактные группы уйгурского населения, по его мнению, стали формироваться здесь во второй половине XVIII в. В XIX в. сюда переселились большие массы уйгуров из Восточного Туркестана.

В. А. Туголуков (Москва) в своем докладе дал трактовку давним связям эвенков и эвенов с татарами и хантами Обь-Иртышского региона.

В. И. Васильев (Москва) в докладе «Самодийский этнический субстрат в составе южносибирских тюрков (к постановке проблемы)», построенном на материалах лингвистики и этнонимии, вычленил самодийские по своей генетической природе компоненты у хакасов, алтайцев, шорцев, сибирских татар и т. д.

В. П. Дьяконова (Ленинград) говорила об этногенетических и историко-культурных связях народов Южного Алтая и Тувы. Постоянное длительное общение предков телегитов и тувинцев началось уже в VI в. и оставило заметный след в их этнической истории, материальной и духовной культуре (особенно в погребальных обрядах). Большую роль играли семейно-брачные контакты (уход телегиток к тувинцам по браку, обратная связь была незначительна).

В своем докладе А. И. Гоголев (Якутск) на основе анализа позднесредневековой кулун-атахской археологической культуры высказал соображения о ее ведущей роли в становлении якутской народности в XIV—XVI вв.

Доклад Р. Г. Кузеева и Т. М. Гарипова (Уфа) «К истории этнокультурных связей тюркоязычных и финно-угорских народов в Волго-Уральском регионе» был посвящен истории складывания Волго-Уральской историко-этнографической области. По мнению докладчиков, население этой области сформировалось в результате сложного взаимодействия разновременных этнических потоков, в том числе из Западной Сибири, Средней Азии, Казахстана и Восточной Европы.

Ш. Ф. Мухамедьяров (Москва) в докладе «К вопросу о характере этнокультурных контактов тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья в средние века» показал, что на территории Волжской Булгарии происходило формирование определенной этнополитической общности. Именно в эту пору складывается единый комплекс культуры населения Булгарии.

Р. Х. Керейтов (Черкесск) проследил этнические связи ногайцев. Анализ этнографических данных привел докладчика к выводу, что общность элементов культуры и социальной организации ногайцев и тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана обусловлена участием близкородственных этнических компонентов в формировании этих этносов, в том числе северокавказских ногайцев.

Ю. Б. Юсифов (Баку) рассмотрел некоторые проблемы этногенеза азербайджанцев. Процесс тюркизации части населения Восточного Закавказья докладчик относит к раннему средневековью.

Темой доклада А. С. Сумбатзаде (Баку) была история появления первых тюркоязычных племен в Азербайджане. Докладчик выделил три этапа тюркизации населения Азербайджана: III—VII вв., VIII—XI вв. и XI—XII вв. Последний этап связан с приходом сюда тюрков-сельджуков.

Группа докладов была посвящена проблемам социальной организации и общественного строя тюркских народов. В докладе Н. В. Бикбулатова (Уфа) были намечены основные вехи исторического развития тюркских систем родства от древнейшей модели классификационного турано-ганованского к описательному английскому типу. Докладчик проследил процессы складывания подсистем свойства, обособления прямой линии родства, слияния материнской и отцовской линий, а также отграничения и одновременного слияния между собой боковых линий родства.

С. Ш. Гаджиева (Махачкала) сделала доклад об атальчестве у кумыков в XVIII—XIX вв., когда этот институт был одним из важных социальных механизмов сохранения и укрепления вассально-сюзеренных отношений в кумыкском обществе. После ликвидации феодальной раздробленности и вхождения Дагестана в состав Российской империи атальчество утратило былое значение, и в первой четверти XX в. встречались лишь отдельные его факты.

Тюркам Ферганы на рубеже XIX—XX вв. был посвящен доклад Р. Я. Рассудовой (Ленинград). В этот период тюркское население в указанном районе Средней Азии представляло, в сущности, семейную общину, имевшую общий пятибратный клан «дахма-козон». Каждая такая община состояла из нескольких семейно-родственных групп, главы которых по очереди руководили жизнью общины.

Сельджукскую военную организацию проанализировал Р. А. Гусейнов (Баку).

О торговых связях казанских татар со Средней Азией и Казахстаном в XVIII в. говорил С. Х. Алпшев (Казань). Как показал докладчик, этим связям сопутствовали и культурные взаимоотношения.

Значительное место в работе исторической секции было уделено проблемам источниковедения и историографии. Особое внимание в докладах обращалось на документы и источники, проливающие свет на этническую и социальную историю тюркоязычных народов. «Турецкие дефтеры (реестры) как источник для изучения социально-экономической истории народов Закавказья XVI—XVIII вв.» — тема доклада М. Х. Сванидзе (Тбилиси). Такие реестры содержат ценный и обильный материал для изучения основных занятий населения, землевладения и землепользования, налоговой системы, социального и этнического состава населения, а также демографические данные.

О новых архивных материалах, касающихся положения трудового населения Хивы в XIX в., сообщил М. Ю. Юлдашев (Ташкент).

Тюркоязычные юридические документы как источник по топографии города Ташкента конца XIX — начала XX в. были рассмотрены в докладе М. Ю. Юнусходжаева и У. Мирисмаилова (Ташкент).

И. Б. Молдобаев (Фрунзе) проанализировал киргизский героический эпос «Манас», показав, что он является источником для установления многообразных этнокультурных связей. Докладчик подчеркнул необходимость комплексного изучения эпоса «Манас», привлекая этнографов, историков и представителей других специальностей.

Сообщение С. Азимджановой (Ташкент) было посвящено малоизвестному произведению Мухаммада Хайдара «Джахан-намэ», представленному в единственном списке. Написано оно, по-видимому, в Индии на староузбекском языке и является важным историко-литературным источником первой половины XVI в.

В выступлении Т. К. Бейсембиева (Алма-Ата) был проанализирован источник начала 70-х годов XIX в. «Гарих-и Шахрухи» Нийаз Мухаммада, содержащий ценный материал о тесных и разнообразных связях Среднего Востока и Ферганы периода Кокандского ханства.

Ч. Джумагулов (Фрунзе) рассмотрел новые эпиграфические памятники, найденные в последние годы на территории Киргизии

Основываясь на анализе нумизматического материала, Б. Д. Кочнев (Самарканд) привел новые данные по генеалогии и хронологии династии Караханидов.

На заседаниях исторической секции рассматривались также проблемы развития материальной культуры. О городской культуре Ташкента VII—VIII вв. говорилось в докладе М. И. Филанович (Самарканд).

Э. Сулайманов (Фрунзе) проследил в своем выступлении развитие техники «зерни» в ювелирном искусстве народов Средней Азии. Возникнув в середине I тысячелетия до н. э., она достигла своего расцвета к середине I тысячелетия н. э. В конце XIX — начале XX в. народные мастера — ювелиры Средней Азии и Казахстана применяли технику зерни для отделки ювелирных изделий.

Доклад Н. К. Антонова (Якутск) «О ткачестве древних якутов» основан на данных археологии (например, находки пряслиц в Западном Прибайкалье) и материалах исторической лексики якутского языка. Докладчик высказал предположение о том, что ткачество и изготовление войлоков было известно якутам. Вполне вероятно, что в период обитания в степях Центральной Азии они занимались также шелкоткачеством.

Г. П. Васильева (Москва) проследила этнокультурные связи туркмен с населением Передней Азии и Кавказа по материалам одежды. Одежда и украшения южных и особенно юго-западных групп туркмен-йомутов и гокленов, живущих на границе с Ираном и вдоль восточного побережья Каспийского моря, отличаются от одежды других групп туркмен и имеют сходство с одеждой и украшениями народов Ирана и Кавказа. Это дает основание предположить наличие у них в прошлом этнокультурных и этногенетических связей. Некоторые переднеазиатские элементы одежды, как считает докладчица, были принесены мигрантами из Ирана.

С. И. Вайнштейн посвятил свой доклад развитию ремесла и городов у тюркомонгольских кочевников в Евразии. Он считает, что ремесленное население городов формировалось преимущественно из инонациональной среды. Поэтому существование городов у кочевников не связано с внутренним развитием ремесла в кочевнической среде и соответственно с процессом его отделения от занятий основной массы коренного населения. В этом докладчик видит принципиальное отличие возникновения и развития городов у кочевников от такого же процесса у оседлых земледельцев.

В докладе М. В. Крюкова (Москва) и В. П. Курьлева (Ленинград) отмечалось, что история кочевнического жилища изучена в настоящее время недостаточно. Ряд исследователей полагают, что оно возникло еще до нашей эры. С. И. Вайнштейн считает, что разборное переносное жилище появилось в тюркской среде примерно в V—VI вв. По мнению докладчиков, элементы разборной юрты можно видеть в терракотовых изображениях нагруженных верблюдов из китайских погребений. Наиболее ранние из этих фигурок датируются V в., когда происходили интенсивные контакты китайцев с кочевниками, что способствовало проникновению некоторых черт кочевнической культуры в быт китайского населения. Однако вопрос о том, кого можно считать «изобретателями» юрты — древних тюрков или их предшественников в степной зоне Центральной Азии племена жузжаней, пока остается открытым.

В ряде докладов рассматривались верования, обряды и обычаи тюркских народов. Х. Есбергенов (Нукус) посвятил свой доклад культовым сооружениям «обо» в

Каракалпации, которые он попытался сопоставить с аналогичными сооружениями у народов Центральной Азии, Сибири и Поволжья.

Проблема взаимовлияний таджикского и узбекского шаманства в конце XIX — начале XX в. — тема доклада О. Муродова (Душанбе). В нем дана характеристика общего и особенного в шаманстве этих соседних народов.

В. Н. Басилов (Москва) рассмотрел один доисламский мотив в мусульманской агниологии Средней Азии. Общеизвестна связь мусульманского культа святых с традициями других религий. Докладчик привел новые данные, подтверждающие это положение. Так, образ святого мученика, обезглавленного, но не умершего сразу, широко известный в исламе, видимо, имеет христианский источник, в то время как в сикхизм он, по всей вероятности, проник из ислама. В агниологии Средней Азии этот мотив, по мнению докладчика, мог появиться непосредственно из шаманских преданий тюркоязычных народов.

О старинном узбекском обычае устраивать поминки при жизни рассказала М. Рузиева (Ташкент). Подобный обычай встречался и у других народов Средней Азии, а также на Кавказе, что свидетельствует в пользу давней и глубокой культурной общности народов этих историко-этнографических регионов.

И. И. Шаманов (Черкесск) в своем докладе высказал мысль о генетической связи культа Тейри (Тенгри), распространенного у карачаевцев и балкарцев, с культурной традицией древнетюркских народов.

В. В. Цыбульский (Москва) сделал попытку рассмотреть системы летоисчислений в странах Азии и показать место календарей тюркоязычных народов в этих системах.

Три доклада на исторической секции были посвящены проблемам современной этнографии. М. Д. Савуров (Ташкент) на основе новейших полевых материалов рассказывал о процессах сближения культуры и быта малых народов Узбекистана в период развитого социализма.

О взаимосвязях и взаимообогащении социалистических национальных культур алтайцев, тувинов и хакасов говорил в своем докладе Г. Г. Кожевников (Москва). Тюркские народы Южной Сибири прошли путь от патриархально-феодального строя к социализму, минуя капитализм. Связи между этими народами при социализме укрепились. Докладчик показал, что дальнейшее экономическое и культурное развитие рассматриваемых народов ведет к взаимообогащению всех форм их духовной жизни.

Б. П. Гуревич (Москва) в своем докладе показал, как извращается в трудах современных китайских ученых характер народных движений тюркского населения Восточного Туркестана в XVIII—XIX вв.

Проведенная конференция показала возросший за последние годы уровень тюркологических исследований в СССР, о чем говорит большая научная ценность большинства заслушанных докладов и сообщений. Следует отметить разнообразие рассмотренных в них историко-культурных и лингвистических проблем, комплексный характер многих исследований. Однако недостаточное внимание уделяется еще актуальным проблемам современного развития тюркоязычных народов.

Творческой работе конференции способствовала ее хорошая организация. Вместе с тем практика показывает, что не следует безмерно перегружать заседания конференций, особенно секционных, докладами и сообщениями. Публикация тезисов всех докладов не вызывает возражений, содержащиеся в них идеи следует обсуждать, но как раз для этого и не хватает времени. Поэтому было бы полезно, чтобы оргкомитеты заранее определяли направления, проблемы для обсуждения и добивались публикации тезисов, заблаговременной рассылки их участникам будущей конференции, что позволило бы им заранее подготовиться к дискуссии.

В дни работы конференции в здании Института рукописей им. Х. С. Сулейманова АН УзССР была организована выставка работ советских тюркологов, а в Институте истории АН УзССР проводилась торговля книгами. Участникам конференции была предоставлена возможность познакомиться с достопримечательностями г. Ташкента, побывать в музеях и театрах, совершить экскурсию в г. Самарканд.

Об успешной работе конференций говорили на заключительном пленарном заседании в выступлениях руководителей секций, председателя Советского комитета тюркологов акад. А. Н. Кононова и шведского ученого Г. Явринга.

Следующую конференцию решено провести в г. Ашхабаде в 1984 г.

А. М. Решетов

ТРЕТЬИ МАКЛАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

14 и 15 апреля 1981 г. состоялись Третьи Маклаевские чтения в Ленинградской части Института этнографии АН СССР. В них принимали участие сотрудники Института этнографии, ЛГУ, Кораблестроительного ин-та, Всесоюзного географического о-ва, Музея истории религии и атеизма, Государственного Эрмитажа. Было заслушано 14 докладов: три — о жизни и деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая, семь — по истории и этнографии Австралии и Океании, два — по Китаю и Тайваню, один — по Таиланду и один — по Индонезии. По сравнению с предыдущими чтениями расширилась